

12+

Александр Ванин

Истории одного города...

Александр Ванин

Истории одного города...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43205840

SelfPub; 2019

Аннотация

Прочитав собранные в данной книге истории, вы сможете хотя бы на миг ощутить всю боль и страх пережитый матерью разделенных сыновей, а может, всего лишь на мгновение испытаете безграничную любовь Катеньки или откровенный шок блогера Маркиза... Откроете для себя не оставляющие никого равнодушными чувства.

Мать

Невольно содрогаясь при каждом залпе орудий, рассекающем прохладу сентябрьского утра, по грунтовой тропе, изви- вающейся чёрной коброй между разбитой асфальтной доро- гой и сельским дворами, шла сутулая фигура. Двигалась она быстрее обычного, часто опираясь на трость, больше напо- минающего изогнутую сухую ветку, которую держала в пра- вой руке и изредка останавливалась на несколько мгновений, по-видимому, чтобы перевести дыхание.

Непроглядная тьма минувшей ночи спешно скрывалась за горизонтом, оставляя после себя безоблачную серую гладь. И хотя запоздалые солнечные лучи все ещё путались в де- брях старинного фруктового сада, возвышающего на холме в восточной части селенья, их света все же хватало, чтобы украсить остатки мрачной вуали буро-красным оперением.

Стекающие в соседний яр клубы молочного тумана слов- но волны стелились под ногами фигуры, вздымались при каждом взмахе все той же трости.

– Доброго вам утра, тетя Клава! – радужно обратилась к фигуре рыжеволосая женщина, внезапно выглянув из-за штакетного забора одного из домов. – И куда это вы так спешите?

На несколько шагов фигура сбросила темп, обернувшись на голос, однако передумав, двинулась дальше, поразив ры-

жеволосую холодным, бесчувственным выражением лица.

– Неужели и вы нас покидаете? – вдогонку выкрикнула та, но не получив ответа, так же внезапно скрылась за забором что-то ворча себе под нос.

Удаляющуюся фигуру действительно звали тётёй Клавой или привычней для односельчан и жителей соседних селений – Клавдией Ивановной Гулько. Эта пожилая учительница, посветившая жизнь просвещению сельской детворы, всегда старалась привить ученикам не только любовь к собственному предмету, а именно к истории, но и такие человеческие качества, как отзывчивость, приветливость и доброта. Вот только теперь она и сама о них позабыла. Измученная ночным кошмаром, старуха едва дождалась рассвета и тут же засобиравшись в церковь, потому как иного избавления от странного, прежде не ведомого ей предчувствия чего-то ужасного, она не видела.

Наконец, за чередой дворов, в тени вышеупомянутого сада, у подножия которого стояла небольшая церквушка, показался православный крест. Заметив его, учительница снова ускорила шаг, как будто опаздывала на службу и больше не останавливались не на секунду, пока не достигла кованой ограды церковного двора, с декоративными золотистыми фигурами ангелов на ней. Прислонившись к прохладному металлу, она долго переводила дыхание, прислушиваясь к учащенным ударам собственного сердца.

Когда же дышать стало легче, а сердце практически вы-

ровняло свой ритм, она поправила цветастый платок, скрывающий белоснежную селену волос и перекрестившись, ступила за ворота. Внутренний двор, как она и предполагала, действительно был пуст. Ни голосов, ни даже пения птиц в нем не слышалось, как впрочем и в последние несколько месяцев, после того, как батюшка, сославшись на плохое самочувствие, покинул родную обитель, оставив ключи в дверном замке и несколько икон на иконостасе. Вслед за ним стали редеть ряды прихожан— местных жителей, по крайней мере тех, кому было куда уехать.

Провернув ключ, Клавдия Ивановна толкнула тяжелые двери, которые хоть с трудом, но все-таки поддались её натиску. Открывающийся полумрак, тут же встретил её приятным ароматом восковых свечей, давно пропитавшим стены помещения. Оглянув запустевшее здание, она снова перекрестилась и решительно вошла внутрь.

Ни секунды не гадая старушка направилась к иконостасу, скрывающему алтарь. Здесь, перед ликами Спасителя и Пресвятой Богородицы, она зажгла лампадки и долго крестилась, взирая на них так, как смотрит утопающий на виднеющейся вдалеке остров. Однако ужасные предчувствия никак не хотели покидать её и она, приблизившись к иконе Богородицы, опустилась перед ней на колени и отложив палку-трость в сторону приклонилась к полу головой.

– Пресвятая Богородица, Пречистая Дева Мария, – шептала старуха не отрываясь от пола, – велика милость Твоя в

Царствии Божьем и на земле нашей грешной. Прошу Тебя, услышь молитву мою: Прости меня, Пресвятая Дева, за грехи мои ведомые и неведомые и если будет на то воля Твоя, прошу, избави... – но тут она запнулась, услышав шорох позади себя. Постепенно он перерос в неуверенные шаги, которые доносились всё отчетливее и отчетливее, пока не стихли прямо за её спиной.

Онемевшая от страха, Клавдия Ивановна выровняла спину, но не подняться, не обернуться так и не решилась.

– Мама! Мама, это вы? – поинтересовался мужской голос позади неё, от легкой хрипоты которого тело старухи и вовсе обмякло, – Это же я, ваш сын Андрей.

Робко оглянувшись, словно боясь увидеть призрака, Клавдия Ивановна застыла в изумлении, увидев перед собой размытую полумраком мужскую фигуру, так сильно напоминающую её младшего сына. В её голове крутилась одна и та же мысль: " Не может быть..."

– Не бойтесь, Мама, – заметив её неуверенность, сказал Андрей и склонившись перед ней на колени повторил: – Это я... Я...

В редком отблеске света, спадающего с небольших окон, расположенных у самого купола, она сумела разглядеть бездонную зелень родных глаз, полную любви и нежности. В этот же миг старуха оттаяла и тихо протянула:

– Сынок...

С облегчением вздохнув, Андрей поднялся сам и поднял

мать на ноги.

Где-то в далеке всё ещё стреляли из орудий, оглушая бескрайние степи пугающим эхом, а совсем рядом, пробудившись, село наполнилось пеньем петухов и лаем собак. Возможно, даже солнце наконец возвысилось над фруктовым садом, только вот им теперь все это было безразлично. Они так и стояли бездвижно у иконостаса с зажжёнными лампадами и наслаждались долгожданной встречей пропитанной тысячью несказанных слов. Старуха-мать, склонив голову на грудь сыну, едва слышно всхлипывала, а он, нежно обняв её, глядел куда-то вдаль, сквозь полумрак и толстые церковные стены.

– Но как же ты тут?– прервав затишье, поинтересовалась Клавдия Ивановна. – Как сумел пройти? Ведь вокруг, Бог знает, что творится!

– Мамочка! Это настоящее чудо! После стольких попыток созвониться с вами или прислать хоть весточку я наконец сумел не только добраться к вам, но и добраться на машине. – Хитро улыбнувшись, признался Андрей. – Хорошо, что есть ещё добрые люди, которые сумели найти лазейку. Ну как вы тут? Как здоровье? Что с домом?

– Ой, сыночек, ты так не спеши. Давай лучше ты мне расскажешь о себе. А я пока послушаю, приду в себя. Тяжело уже твоей матери даются такие внезапные встречи.

– Да что мне рассказывать... Все хорошо, все живы – здо-

ровы... Очень ждут встречи.

– Встречи? – переспросила старуха, немного отстранившись от сына.

– Ну конечно, мамочка. Я же за вами приехал.

– За мной? – снова переспросила старуха, как будто не услышала с первого раза. В одно мгновение радостный блеск её глаз сменился глубокой печалью. Наклонившись, она подняла без дела валявшуюся трость и опершись на неё с трудом выдавила из себя: – Я никуда не поеду, сынок. Не стоило тебе приезжать.

– Но почему? – возмутился Андрей, поражённый резкостью её слов.

– Потому, что я не могу бросить дом, в котором прожила всю жизнь.

– А что тут бросать... старую мебель и пять курей?

– Дело не в курах, Андрюшенька. Это мой дом и я не позволю растащить по дворам все, что я собирала и строила всю жизнь.

– Ой, мама! Поймите, сейчас не до ваших принципов. Ещё несколько дней и война доберётся и сюда. Вам нельзя оставаться!

– Прошу тебя, – виновато пряча глаза, вымолвила старуха, – хватит об этом...

– Господи! Мама! Да что с вами? – вновь приблизившись, спросил Андрей, взяв её за ладони. – Почему вы не хотите меня послушать?

Его ладони были крепкие, но она все же чувствовала их дрожь. И хотя ей было больно смотреть ему в глаза, Клавдия Ивановна всё— таки не сдержалась — таким разбитым и растерянным, она ещё не видела своего сына.

— Прощу тебя, сынок, уезжай... — сквозь ком в горле прошептала она.

— Если вы останетесь, то и я тоже...

— А как же семья? Как им жить?

— Но, ведь вы тоже моя семья... — вложив все своё отчаяние в слова, ответил Андрей.

Не видя иного выхода, Клавдия Ивановна все же решилась признаться. Сдерживая волнение и собственную дрожь, она старалась говорить как можно убедительней, без слёз:

— Пойми, сынок. Если я поеду с тобой, то придам Федю, который так же предлагал к нему переехать, а он для меня такой же сын, как и ты... Пусть даже вы совсем разные...

— Тогда поезжайте к нему, — перебил её Андрей, обрадовавшись появившемуся выходу из тупика, — я все пойму, лишь бы вы были в безопасности. — однако заметив сомнения в её взгляде, тут же добавил, — я пойму, мама. Честно.

Старуха опустила глаза, словно пытаясь отыскать нужные снова на пыльном каменном полу. Молчание вновь наполнило стены церкви, но ненадолго. Спустя несколько секунд, которые Андрею показались вечностью, она все же сказала с такой горечью в голосе, что его ладони ослабли сами по себе и руки безвольно повисли в воздухе: — но если я уеду к нему,

то потеряю даже надежду увидеть тебя и внуков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.